

научноёмкая экономика; информационная экономика; новая экономика; устойчивая экономика, зеленая экономика. Вне зависимости от формального определения в основе перехода лежит: приоритетное развитие человеческого капитала, знаний и информации; глубокие структурно-технологические изменения в механизме природопользования. Человеческая деятельность предполагает изменение природных объектов, главное чтобы эти изменения не выходили за допустимые природной средой пределы.

Нельзя забывать, что история формирования экономических отношений природопользования сложна и противоречива, как и история взаимосвязи общества и природы. С момента появления человека как биологического вида сообщества людей постоянно сталкиваются с экологическими проблемами, отличающиеся своей масштабностью. Одно из основных отличий человека от животного в том, что в своем эволюционном развитии он преобразует окружающую природу, приспособлявая ее к своим потребностям, в то время как эволюция животного мира основывается на его приспособляемости к природе [3, с. 445]. Обществу необходимо приспособляться, искать пути взаимодействия через усовершенствование техники и технологий, смену привычек и потребностей, через более эффективные направления использования первичных и вторичных ресурсов, через приспособление и изменение социальных институтов, законов, принимая решения на основе альтернативного выбора.

Литература:

1. Гирусов, Э. В. Экология и экономика природопользования / Э. В. Гирусов.– М. : ЮНИТИ-ДАНА, Единство, 2003.
2. Давыденко, Л. Н. Методические подходы к оценке природных ресурсов в системе экономических отношений / Л. Н. Давыденко // Природные ресурсы (Межведомственный бюллетень) / НАН Беларуси.– Мн., – 2012 – № 1.
3. Капица, П. Л. Эксперимент. Теория. Практика : статьи и выступления / П. Л. Капица - М : Наука, 1981.
4. Никитенко, П. Г. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития / П. Г. Никитенко. – Минск: Белорусская наука, 2006.
5. Шимова, О. С. Основы экологии и экономика природопользования / О. С. Шимова, Н. К. Соколовский – Минск: БГЭУ, 2010.

ЦЕННОСТИ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АРГУМЕНТАЦИИ

С. В. Воробьева, г. Минск, Беларусь

Ценности проявляются в контексте корреляций поведения личности с концептуально-смысловым строем повседневного языка. Контекстом корреляций выступает экзистенциал настроения, объясняющий, почему наша открытость миру расширяется или сужается, высвечивая в аргументации разные его феномены.

Именно от настроенности на мир в данный момент зависит то, что человек осознает или на что он реагирует. Глубинными структурами этой настроенности выступают ценности. Человек, испытывающий некоторое чувство, резонирует с соответствующим миром. Если человек радостен, он созвучен миру радостных взаимоотношений. Если человек подавлен или встревожен, он резонирует миру угроз и опасностей. По этой причине, в аргументации нет каузальных связей (кроме ее пропозициональной части), но есть мотивы. Недоступность понимания мотивов определяется только узостью «горизонта понимания», что ведет к возникновению навязчивых связей с объектами или оценок (когнитивных рамок).

Ценность, как и истина, является индикатором сопоставления реальности и языковых структур сознания. Если в ситуации истины отправной точкой сопоставления является объект, то в ситуации ценности исходной точкой является оценка. Цель истинностного подхода в аргументации заключается в приспособлении мира к языковым структурам, опирающегося на общезначимые схемы (дескриптивное содержание аргументации). Цель ценностного подхода в аргументации – приспособление языковых структур к миру, опирающееся на личностные представления (оценочное содержание).

Сфера ценностей – мотивационная сфера, включающая интересы, потребности и деятельность личности – создает и поддерживает экзистенциальный потенциал аргументации. Иллюстрацией этой обусловленности могут служить стадии социальной депрессии: утомление и апатия, неспособность сосредоточиться, скука и т. д. (М. Босс). Первая стадия – утомление и апатия – характеризуется усталостью и ощущением недостатка энергии. Лингвистическими маркерами являются выражения «Я устал», «Нет сил», «Я сомневаюсь» и т. п. В аргументации они интерпретируются как неизбежные реакции человеческого организма на чрезмерный труд или неожиданные события, так как энергетический спад свойственен любой системе.

Утомление и апатия являются тем пусковым механизмом, который дает начало деструктивным процессам во внутреннем мире человека, в социальных группах и в социумах, ибо мешают сознанию сосредоточиться. Неспособность сосредоточиться характеризуется забывчивостью и рассеянностью, но сопровождается оптимизмом. Это характерно, например, для подростков, для отдельных руководителей или подчиненных. С одной стороны, забывчивость в отношении к просьбам

или распоряжениям является неосознаваемым уходом от излишней опеки или контроля, с другой, – рассеянность есть следствие неумения концентрировать внимание. Вместе забывчивость и рассеянность представляют собой механизм восприятия мира, позволяющий видеть в реальности фрагменты, не мешающие ощущению оптимизма и поддержанию собственного статуса. Все остальное игнорируется.

Долговременно ощущаемое сочетание забывчивости, рассеянности и оптимизма приводит к скуке. Неоднократно переживаемое состояние скуки не способствует формированию интересов или их поддержанию. Отсутствие интереса обуславливает возникновение беспокойства, которое стремятся преодолеть. Завершается скука раздражением по отношению к учебе, работе или ближайшему окружению. Именно на стадии скуки формируются нездоровые пристрастия и привычки.

Например, скука как экзистенциальный потенциал аргументации наблюдается у студентов старших курсов. При наличии оптимизма имеются забывчивость и рассеянность. Языковые маркеры типичны – «забыл решить задачу или продумать ситуацию»; «не понял, что задание должно быть в письменной форме»; «можно принести завтра». Сами отговорки являются резонами, с помощью которых аргументирующий пытается оправдать собственную бездеятельность и поддержать существующий оптимизм. Не предлагаются резоны типа «не успел выполнить», так как его использование резонирует с напряженной работой по самоподготовке.

Скука влечет потерю чувства благополучия, что формирует нетерпимость, завершающуюся раздражением, граничащим или переходящим в гнев и агрессию. Раздражение и благополучие – вещи несовместимые. У человека, задерживающегося на стадии раздражения, формируется пренебрежение. Удовлетворение нездоровых пристрастий и привычек поддерживает кажущееся благополучие.

Пренебрежение есть безразличие к нуждам и чувствам окружающих и несклонность к сотрудничеству. Человек, пренебрежительно относящийся к другим, защищает себя и служит себе. Подобная защита и служение являются платформой, на которой человек строит новый тип собственного благополучия – «гегемонию Я» (Э. Левинас) – которое связано не с согласием с другими, а только с согласием с самим собой. Отсюда – неумение слушать и слышать других.

Подлость, формируемая в контексте пренебрежения, имеет в качестве истоков черствость и разрушительность в отношении других. При наличии безразличия и нежелания сотрудничать с другими людьми ощущение благополучия достигается лишь тогда, когда человек поступает так, как хочет. Оправданность действий определяется оправданностью их в его сознании.

Итак, ценности как экзистенциальный потенциал аргументации неотделимы от настроенности человека на мир, маркируются в языке, раскрывают когнитивную модель сознания аргументирующего.

ПРИНЦИП УДОВОЛЬСТВИЯ В МОРАЛИ

Т.И. Врублевская-Токер, г. Минск, Беларусь

Мораль и удовольствие для обыденного сознания обычно не имеют ничего общего. Более того, противоречат друг другу. Действительно, мораль диктует должное, удовольствие – приятное. Приятие морали вынужденно, удовольствия – желаемо. Они могут быть жизненными ориентирами, целями или даже стратегиями для человека, но они несовместимы. Следование морали считается положительным поведением, а следование удовольствию обычно порицается.

Однако любопытство философов свело воедино удовольствие и мораль. «Хочу делать то, что должно» – идеальная позиция для морального ригоризма. Именно в его рамках допускаются особые удовольствие и польза от морали, а именно: положительные оценки самого себя и приятные переживания, сопровождающие нравственно положительное поведение.

«Должен делать то, что хочу» – предельное значение для позиции гедонизма. Обычно гедонизм именно в таком виде выглядел во все времена неприемлемым как разрушающий личность и не соответствующий понятию человека.

Существует также третий вариант совмещения морали и удовольствия, рассматриваемый в этике эвдемонизма. Это вариант, при котором удовольствие выступает необходимым основанием индивидуальной морали. Логика построения этой модели такова.

Мораль для человека изначально является регулятором внешним. Врожденность моральных идей в эвдемонизме не допускается, поскольку его базовой объяснительной системой является атомизм или, позднее, материалистическая парадигма в целом.

Эвдемонисты задаются вопросом: а существует ли что-либо у человека, как самостоятельного индивида, нечто, что могло бы стать основанием для органичного приятия им морали, не только в смысле усвоения, но и для развития нравственного сознания, участия в нравственной деятельности?

Разум не достаточно подходит на эту роль, поскольку, по меткому замечанию Канта, для пользования разумом нужно мужество. Кроме того, разумная деятельность не является первичной для человека как представителя своего биологического вида.